

Шпенглер Г. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории. Т. 1 : Образ и действительность / пер. с нем. Н. Ф. Гарелин. Минск, 2009. 656 с. [Shpengler G. Zakat Evropy : ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 1 : Obraz i dejstvitel'nost' / per. s nem. N. F. Garelin. Minsk, 2009. 656 s.]

Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. 320 с. [Shtaerman E. M. Sotsial'nye osnovy religii Drevnego Rima. M., 1987. 320 s.]

Эйнхард Жизнь Карла Великого // Историки эпохи Каролингов / сост. М. А. Тимофеева ; отв. ред. А. И. Сидоров. М., 1999. С. 8-35. [Ejnkhard Zhizn' Karla Velikogo // Istoriki epokhi Karolingov / sost. M. A. Timofeeva ; otv. red. A. I. Sidorov. M., 1999. S. 8–35.]

Suttner E. C. Kircheneinheit im 11. bis 13. Jahrhundert durch einen gemeinsamen Patriarchen und gemeinsame Bischöfe für Griechen und Lateiner // Средневековна християнска Европа: изток и запад. Ценностни, традиции, общуване. София, 2002. С. 490—498.

Статья поступила в редакцию 24.05.2013 г.

УДК 930.2:003.072 + 94(100)“04/14”

А. И. Романчук

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД ПЕРИОДА «ТЕМНЫХ ВЕКОВ»: ДИСКУССИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

В статье утверждается, что отсутствие археологических свидетельств не является основанием для вывода о кризисном состоянии или исчезновении городских поселений Византии в середине VII — середине IX в. В отдельных случаях «археологические лакуны» заполняются временем функционирования монументальных сооружений. В работах М. Я. Слюзюмова отмечалось наличие кризиса в развитии византийских провинциальных городов, но не их исчезновение. Вывод исследователя подтверждают находки из закрытых комплексов Херсонеса, исследование которого экспедицией Уральского университета было начато в 1958 г. Е. Г. Суровым.

Ключевые слова: археологические свидетельства; развитие города в период «темных веков»; Византия; континуитет; Херсонес.

*Моим учителям —
Михаилу Яковлевичу Слюзюмову
и Евгению Григорьевичу Сурову
посвящаю*

В 1980 г. на XVI Международном конгрессе византинистов в Вене греческий археолог и архитектор Хр. Бурас сделал обобщающий доклад, посвященный степени изученности византийских городов. Он констатировал, что для анализа эволюции материальной культуры византийского провинциального города, развития его светской архитектуры и градостроительной структуры имеющиеся данные немногочисленны, особенно для ранневизантийского времени, относительно которого вопрос о непрерывности заселения города уже тридцать лет разделяет историков на два лагеря. Исследователь подчеркнул,

что в некоторых случаях приводятся свидетельства запустения в VII—IX вв. и последующего изменения градостроительной структуры. В других приводятся археологические свидетельства и доказывается наличие культурной преемственности городов [Bouras, S. 617]. Упоминание докладчиком двух концепций, характерных для урбанистических штудий, возвращает нас к первому всестороннему обсуждению особенностей развития византийского города периода «темных веков» — к конгрессу 1958 г. Прозвучавшие в докладах диаметрально противоположные выводы положили начало широкой дискуссии и «разделили», как выразился Хр. Бурас, византинистов на два лагеря. Е. Кирстен обосновал тезис о наличии глубокого упадка и аграризации, трансформации некоторых городов в VII—IX вв. в крепости [см.: Kirsten, S. 1—48]. Одновременно прозвучали доказательства о сохранении городских центров в переходный период от Античности к Средневековью [см.: Dölger, S. 107—139]. К числу сторонников мнения об отсутствии существенных дезурбанизационных процессов в переходный период принадлежала Е. Э. Липшиц, полагающая, что характерной чертой Византии VIII—IX вв. является наличие городов, где продолжали развиваться различные виды ремесленной деятельности, особенно в тех, которые стали идеологическими центрами [Липшиц, с. 421].

Югославский историк Г. Острогорский писал, что среди фундаментальных вопросов византийской истории трудно назвать такие, которым уделяется столь же большое внимание, как проблемы городского развития [Ostrogorsky, 1959а, р. 45—65; 1959в, р. 1—22]¹. Исследователь полагал, что понимание превратностей городской жизни в Византии дает ключ к оценке благосостояния империи в целом, и особенно значим этот аспект для бурного периода начала Средневековья — времени перехода от Античности к средневековой эпохе. Как и другие византисты, он отмечал фрагментарность информации, которая содержится в письменных источниках. У византийских авторов с их вниманием, устойчиво направленным к столице и имперскому суду, содержатся немногочисленные данные о городах; в официальных документах — аналогичное положение: очень редко названы конкретные центры ранневизантийского и более позднего периода, сделал вывод Г. Острогорский, поэтому отсутствие прямых свидетельств о состоянии экономического развития делает особенно значимыми нумизматические материалы [Ostrogorsky, 1959а, р. 47]. На основании каталогов, характеризующих музейные коллекции, вычисляются размеры выпуска монет в различные периоды, что используется в качестве аргумента негативной оценки состояния городской экономики или же для вывода о кризисном развитии городов, не приведшем все же к их исчезновению.

Позднее В. Брандес, реконструируя судьбы городов Малой Азии VII—VIII вв., пришел к выводу, что «уже в этой фазе дискуссии нумизматические материалы имели важнейшее значение» [Brandes, S. 21]. Он отметил также

¹ В этой связи закономерен интерес Г. Острогорского к работам М. Я. Сюзюмова, в одном из писем (1965) к которому А. П. Каждан сообщал, что он провел несколько вечеров в беседах с Г. Острогорским, и тот просил передавать ему приветы и посыпать свои статьи [об этом см.: Поляковская, с. 329].

значение раскопок Херсонесского городища, где стало возможным систематическое и планомерное исследование отдельных кварталов².

Доказательству полифункциональности провинциальных городов в период «темных веков» было посвящено несколько работ М. Я. Сюзюмов [см.: Сюзюмов, 1956, с. 26–41; 1967, с. 38–70; 1977, с. 34–51]. Основатель уральской школы византистики отмечал, что раскопки в Херсонесе, как и нумизматические находки, свидетельствуют о кризисном развитии города, но не об его исчезновении: Византия была «страной городов» в сравнении с Западной Европой. В одном из писем своему оппоненту, А. П. Каждану, он подчеркнул значение археологических исследований в Херсонесе, так как этот город «развивал свою роль именно в континуитете античной культуры»³.

Благодаря позиции М. Я. Сюзюмова в этом вопросе с первых лет раскопок уральцев в Херсонесе особое внимание уделялось материалам, позволявшим подтвердить роль данного центра именно «в континуитете античной культуры». Первыми объектами исследований экспедиции университета стали остатки оборонительной стены римского времени; склеп, который перестали использовать в конце IV – начале V в.; построенная не ранее середины V в. рыбозасолочная цистерна, а также различные сооружения, существовавшие на участке около западных оборонительных стен в IX–XI вв. На основании стратиграфии и хронологической последовательности строительства Е. Г. Суров, научный руководитель раскопок тех лет, пришел к выводу о непрерывном обитании в данном районе, выступив тем самым против тезиса о глубоком кризисе в VII в. и «обезлюдивании» города в следующем столетии [см.: Суров, 1961, с. 67–70; 1965, с. 119–147].

Иная оценка Херсона периода «темных веков» была дана в штудиях выдающегося исследователя памятников Таврики А. Л. Якобсона, который полагал, что Херсон «разделил судьбу многих византийских городов, пришедших в упадок в результате крушения рабовладельческого строя» [Якобсон, 1964а, с. 22; 1964б]. В основу его выводов были положены следующие аргументы: 1) прекращение в Херсоне выпуска собственной монеты с начала VII в. и малочисленность их находок; 2) косвенным свидетельством кризисного развития в VII в и «обезлюдивания» в VIII в. является то, что «ясно выраженный культурный слой этого времени на городище, по-видимому, вообще отсутствовал, по крайней мере до сих пор выявить его не удалось» [Якобсон, 1959, с. 35]; 3) свидетельства писем находившегося в Херсоне в ссылке папы Мартина, которые он отправлял отсюда своим сподвижникам в течение лета 655 г., в которых он просил о присылке продовольствия и сообщал, что здесь царят «голод и нужда, а хлеб известен только по названию». Итоговый вывод исследователя звучал

² На территории городища в XIX в. размещался монастырь, был возведен собор к 900-летию крещения Руси, позднее на некоторых участках были сооружены военные объекты, но большая часть Херсонеса не имеет строений Нового времени.

³ Более того, М. Я. Сюзюмов полагал, что «школа уральская – с 1942 г., когда в Свердловске хранился эвакуированный из Севастополя архив Херсонеса, когда собирались [С. Ф.] Стржелецкий, [А. И.] Виноградов, Сюзюмов, [Е. Г.] Суров, которые мечтали сделать Свердловск центром византиноведения» [Поляковская, с. 320].

следующим образом: «Такого рода явления наблюдались во всей Византийской империи», Херсонес не являлся исключением [см.: Якобсон, 1964б, с. 22].

Вместе с тем в отчетах о раскопках Херсонесского городища неоднократно указывались возможные причины отсутствия находок, датированных периодом «темных веков»: полная картина стратиграфии средневековых слоев наблюдается редко ввиду разрушений; остатки построек предшествующего времени в большинстве случаев были разобраны или использованы в качестве основания позднесредневековых стен. Раннесредневековые остатки малочисленны, так как подверглись разрушению при строительных работах следующего времени. Все это привело к тому, что находки раннесредневековой керамики крайне слабо изучены, и это не позволяет выявить раннесредневековый слой [см., например: Белов, Стржелецкий, Якобсон, с. 213; Белов, Стржелецкий, с. 90; Белов, Якобсон, с. 123].

К вопросу об археологических лакунах (отсутствии «ярко выраженной стратиграфии») раннесредневекового периода обратимся несколько позднее. Прежде — о нумизматических источниках.

Одним из методов, используемых для оценки состояния денежного обращения, насыщенности городского рынка платежными средствами и, следовательно, состояния экономики города, является статистическая обработка монет. При создании статистико-хронологических таблиц нумизматические данные распределяются по векам на основании времени выпуска монет. Но годы выпуска и период обращения монет, как показывает анализ материалов из кладов, существенно отличаются. В частности, на основании анализа структуры кладов, относящихся к концу X в., был выявлен значительный хронологический разброс монет [см.: Гилевич, 1964, с. 150–158].

Примером клада, в единовременности отложения которого трудно усомниться, является находка «кошелька» в портовом районе Херсонеса. Во время раскопок улицы, разделявшей два квартала (1970), обнаружено 9 монет. В древности они были завернуты в тряпочку или находились в кошельке, поэтому оказались плотно прижатыми друг к другу. Ранняя из монет относится ко времени правления Василия I (867–886), поздняя — Василия II (976–1025). В отличие от кладов, спрятанных их владельцами, возможно, накапливаемых в течение длительного времени, этот был, скорее всего, «утерян» жителем Херсона. Содержание «кошелька» является несомненным свидетельством совместного обращения монет, относящихся к 150-летнему периоду.

Сравним период обращения монет из этого клада и нумизматические находки из слоя разрушения VII в., который был выявлен в здании одного из кварталов портового района Херсонеса: в слое пожара встречены монеты, датируемые первыми веками нашей эры и временем разрушения здания — началом VII в. [Романчук, Седикова, с. 30–45]⁴. Если учитывать только те из них, которые, благодаря хорошей сохранности, удалось определить, то к концу существования комплекса относится только 4 %.

⁴ На с. 35, где приведены нумизматические находки, допущена ошибка: следует читать «монета Фоки (602–610)». В последующих публикациях она исправлена [см.: Романчук, Сазанов, Седикова, с. 12].

Среди наиболее поздних публикаций кладов следует обратить внимание на материалы, происходящие из раскопок округи Херсона. Состав их убеждает в наличии товарооборота в дискуссионное для истории города время; примечателен и вывод автора публикации: Херсон «не обнищал и не обезлюдел» [Алексеенко, 2005, с. 437–451]. Подтверждает тезис исследователя и уникальная коллекция сфрагистических материалов со дна моря (90-е гг. XX в.) – печатей из «архива города»⁵. Следует также отметить скопление моливдовулов, которые условно отнесены к остаткам «судакского архива». Сопоставление находок из двух центров Таврики (Херсона и Судака) показало наличие связей между ними в VIII в.: из 50 печатей конца VII–VIII в., найденных около Судакской крепости, 11 – из Херсона [Степанова, 2001, с. 24; 2002, с. 231–233]. Как заметил в последующем харьковский историк С. Б. Сорочан, печати свидетельствуют не только о наличии торговых связей, но и о подчиненности Сугдеи властям Херсона [см.: Сорочан, с. 517].

Значительное поступление сфрагистического материала способствует изменению представлений о развитии Северо-Причерноморских центров в VII – середине IX в., кроме того, специалисты в области херсонесской нумизматики полагают, что в VII в. в обращении находились монеты начиная со времени правления Феодосия (379–395), на которых при императоре Ираклии (610–641) была сделана надчеканка [см.: Анохин, с. 106–108]. Изучение памятников Юго-Западного Крыма показало, что в захоронениях второй половины VII в. встречаются монеты, относящиеся к предшествующим столетиям [Веймарн, Айбабин, с. 167; с. Айбабин, 186–187; Айбабина, с. 123]⁶. Относительно работы монетного двора Херсона киевский исследователь В. А. Анохин писал, что в период правления Ираклия (610–641) были проведены меры по упорядочению денежного обращения – массовая надчеканка на монетах IV–V вв. «Эта реформа обеспечила стабильность денежного обращения на длительный отрезок времени. При Ираклии монетный двор Херсона прекращает свою деятельность. Факт прекращения собственной чеканки не может быть использован как довод в пользу тезиса об упадке городской экономики (выделено нами. – A. P.).» Перерыв в выпуске монет В. А. Анохин объяснял влиянием политических событий, а не экономическими причинами [Анохин, с. 106–108]. Отчасти эта точка зрения совпадает с мнением С. П. Шестакова, перу которого принадлежит первое обобщение свидетельств о раннесредневековом Херсоне. Он полагал, что на развитие города в VII в. повлияли внешнеполитические факторы [см.: Шестаков, с. 30–42].

⁵ К настоящему времени уникальные находки, обнаруженные в процессе подводных исследований, не опубликованы полностью. Но серия статей Н. А. Алексеенко свидетельствует, что они внесут существенные уточнения в проблему статуса Херсона периода «темных веков» (см.: Алексеенко, 1995, с. 158–160; 1996, с. 122–133; 1999, с. 65–82; 2002, с. 455–500; 2003, с. 3; 2005а, с. 3–6). Безусловно, среди находок из «херсонского архива» встречены и более поздние памятники сфрагистики.

⁶ Характеризуя связи населения Таврики и херсонитов, крымский историк замечает, что горожане расплачивались за товары более ранними монетами, которые находились в данный период в обращении [Айбабин, с. 164].

Итак, если не учитывать конкретную археологическую ситуацию, число монет, выпущенных в VII в., единично (это постоянно отмечается в публикациях, посвященных периоду «темных веков»). Но в обращении находились монеты и более раннего периода, следовательно, соответствующие графы статистико-хронологических таблиц должны содержать все монеты, которые продолжали «ходить» на рынке⁷.

О некорректности выводов, в которых не учитывается археологический контекст, И. В. Соколова, хорошо знающая состав коллекций Херсонесского заповедника и Эрмитажа, пишет следующее: «Методика использования нумизматических свидетельств сторонниками данной теории (глубокого упадка византийского города. — A. P.), основывающих доказательства на количественном подсчете опубликованных в каталогах монет, имеет много уязвимых мест» [Соколова, 1959, с. 50–63]. Вывод исследовательницы подтверждают приведенные выше примеры. Они свидетельствуют, насколько могла бы измениться соответствующая графа в статистико-хронологических таблицах, если бы учитывались условия находок⁸.

Обратим внимание на следующий аргумент сторонников «глубокого кризиса» Херсона в переходный период — отсутствие находок этого времени. В упоминавшемся выше комплексе — слое пожара с монетами начала VII в. — встречены многочисленные амфоры и разнообразные столовые сосуды, покрытые красным лаком [см.: Романчук, Сазанов; Голофаст, с. 77–84], некоторые из них аналогичны находкам, обнаруженным на византийском корабле, который затонул около мыса Яси-Ада в VII в. [Bass, Doorninck]⁹. Слои разрушения и следы последующей нивелировки с многочисленными находками конца VI — начала VII в. выявлены также в кварталах, прилегавших к главной улице города, которая завершалась небольшой площадью с базиликой (Восточная базилика, № 36). Раскопки позволили воссоздать стратиграфию участка и сделать вывод о том, что данная территория была непрерывно обитаемой с V в. до н. э. до XIII в. н. э. Для настоящей темы существенно то, что во всех кварталах прослежен мощный раннесредневековый слой (VI — начало VII в.), который образовался в результате строительно-планировочных работ, охвативших, как предполагал автор раскопок, весь город. Результатом масштабных строительных работ стали, согласно его мнению, многочисленные базиликальные храмы, явившиеся «символом укрепления христианства и византийского владычества в Херсонесе»¹⁰.

⁷ В статистических таблицах не учитываются также монеты, время выпуска которых из-за их неудовлетворительной сохранности определить не удалось. Но если они обнаружены в закрытом комплексе (на полу разрушенного здания), как в приведенных выше случаях, они относятся к совокупным находкам культурного слоя.

⁸ Однако и без обращения к археологической ситуации Г. Острогорский показал, что использование данных каталогов показывает относительность кризиса в период «темных веков».

⁹ Материалы из слоев разрушения портового района опубликованы: [Романчук, 1975а, с. 246–250; 1975б, с. 3–13; Романчук, Седикова, с. 30–46; Романчук, Сазанов, Седикова].

¹⁰ Следует заметить, что тезис о масштабном строительстве противоречит замечанию исследователя, что «экономика Херсона в это время была слаба». Аргументом для него стала немногочисленность находок импортных сосудов, что свидетельствует об отсутствии масштабных торговых связей. (При

Итак, к числу наиболее представительных раннесредневековых комплексов, существовавших в V (VI)–X (XI) вв., относятся базилики. Анализ стратиграфии и находок позволяет считать, что они были разрушены в начале XI в. (возможная причина — землетрясение [см.: Романчук, 1989, с. 182–188])¹¹. Не существует однозначного мнения и относительно времени строительства базиликальных храмов. Но то, что, будучи построенными в V–VI вв. или третьей четверти VI — середине VII в., они являлись действующими сакральными зданиями (всего открыто к настоящему времени 13 базилик), свидетельствует о наличии жизнедеятельности в Херсоне, а не «обезлюдивании», которому предшествовал глубокий кризис VII в. Факт функционирования храмов «заполняет» существующие «археологические лакуны». Следует также учитывать, что отложение слоев с многочисленными находками в городах с каменной архитектурой обусловлено, как правило, разрушением комплексов. Следующим по выразительности является слой, образование которого связано со строительной деятельностью. «Нормальная», обычная жизнедеятельность оставляет невыразительные следы или вообще не отражается в стратиграфии памятника. К таким выводам пришел В. Д. Блаватский, обобщая результаты раскопок городских центров Северо-Причерноморского региона. Он обратил также внимание на ошибочность представлений о том, что «мощность культурных напластований и обилие их (накопление) в течение какого-то отрезка времени являются надежным доказательством интенсивности жизни, а иной раз даже большого подъема» [Блаватский, с. 191].

Блестящий пример многочисленности культурных слоев, свидетельствующих не «о процветании города», получен при исследовании столицы Боспорского царства Пантикея, где для кратковременного периода — последних третей VI в. до н. э. — выявлено восемь микрослоев. В. Д. Блаватский объяснял это плохим качеством строений. На основании археологической ситуации исследователь сделал вывод: быстрая смена культурных напластований «не наблюдается в условиях более солидного строительства» [Блаватский, с. 193]. Данное замечание необходимо учитывать при объяснении причин возникновения «археологических лакун».

Итак, какие выводы возможны относительно стратиграфии Херсонесского городища, если принять во внимание наблюдения В. Д. Блаватского.

1. В Херсоне на протяжении VII — середины IX в. не происходило экстравардиарных событий, которые привели бы к отложению выразительных слоев.

2. Постройки VI в. (храмы) были «солидны», что и обусловило их длительное использование.

3. Из-за «умолчания источника», в данном случае наличия «археологических лакун», нельзя судить о кризисном состоянии Херсона. К тому же необходимо

«слабости экономики» столь значительное строительство!). Ярко выраженным по всей площади района слоем являются также следы пожара с находками IX–XI вв. [см.: Золотарев, Ушаков, с. 30–45].

¹¹ Тезис о том, что ни археологические, ни письменные источники не подтверждают гипотезу о разрушении Херсона Владимиром, прозвучал в работе: [Богданова, с. 92–93].

учитывать, что «археологические лакуны» заполняются некоторыми «солидными» сооружениями. К их числу относятся базилики, возведение которых началось в конце V в. или в третьей четверти VI в.

Наконец, последний аргумент сторонников глубокого кризиса и «обезлюдивания» Херсона в период «темных веков» — письма находившегося здесь в ссылке папы Мартина.

В начале XX столетия, после первой публикации посланий ссылочного папы, российский византинист В. Г. Васильевский отметил, что папа Мартин сильно преувеличивал царившие в Херсоне голод и нужду [Васильевский, с. 388]¹². Жалуясь на тяготы жизни, он упомянул, что херсониты вели торговлю солью. В последующем именно на этом объективном показателе занятий горожан, приносящих значительный доход, был сделан акцент, а изоляция главы римской церкви от привычного окружения, его болезнь и возраст приняты как субъективный фон жалоб [Романчук, 1972, с. 42–55].

Иное мнение, согласующееся с концепцией А. Л. Якобсона, представлено в работах О. Р. Бородина [см.: Бородин, с. 173–190]. Комментируя перевод источника, он замечает, что при обращении к письмам папы Мартина исследователи преувеличивают субъективный элемент посланий. Однако некоторые данные, приводимые непосредственно в комментариях при публикации источника, вызывают сомнения в том, что Херсон утратил значение торгового центра. Восстанавливая хронику событий, О. Р. Бородин пишет, что местонахождение ссылочного стало известно в Константинополе не более чем через 15 дней. Спустя некоторое время в Херсон прибыл один из его сподвижников. Данное обстоятельство не может не свидетельствовать о наличии регулярного сообщения между Северо-Причерноморским центром и столицей империи (вряд ли для поездки было снаряжено специальное судно). Плавание с юга на север по Черному морю осуществлялось по двум маршрутам. Один из них, кратчайший, фактически по прямой линии, использовался в торговых и военных целях с античных времен [Todorova, p. 156–162]. Для торгового тихоходного судна при благоприятной погоде путь длился около 10–11 дней. Средняя продолжительность другого маршрута — от Константинополя до Кафы вдоль западного и северо-западного побережья — составляла в конце XIV в. 13 дней [см.: Бородин, с. 182].

Чтобы завершить обращение к такому аспекту, как соотношение объективного и субъективного в письмах папы Мартина, следует остановить внимание на монографии С. Б. Сорочана, в которой имеется раздел «Реальность и вымысел в письмах папы Мартина». Харьковский исследователь полагает, что ссылочный, описывая тяготы жизни в Херсоне, противоречил себе, сообщая своему корреспонденту о хлебе, известном только по названию, а затем в другом письме говоря, что его можно купить, когда в порт заходят суда за грузом соли. В поисках противоречий в письмах папы Мартина С. Б. Сорочан не учел того, что написанное разделяло несколько месяцев (май — сентябрь), в тече-

¹² В отношении данного замечания А. Л. Якобсон писал, что «вряд ли можно согласиться с теми, кто подозревает в преувеличении папу Мартина» [Якобсон, 1959, с. 37].

ние которых не могла не измениться ситуация. С. Б. Сорочан полагает также, что ссыльный преувеличил стоимость зерна. Правда, далее он приводит свидетельства, что даже в этом случае цена хлеба не так велика [Сорочан, 2005, с. 314]¹³.

Новое обращение к свидетельствам писем папы Мартина привлекло внимание к Херсонесу западноевропейских византинистов. Так, английский историк Д. Смидли отметил богатейшие возможности археологического изучения Херсонеса в сравнении с другими центрами Византии [Smedley, p. 173]. Недостатком раскопок до 1950 г., по его мнению, являлось отсутствие внимания к стратиграфии. При изучении раскапываемых до середины XX в. кварталов в северном районе городища были выделены следующие слои: V–VI вв., IX–X вв., XII–XIII вв. Анализируя публикации российских коллег, Д. Смидли подчеркнул, что с 1958 г. меняется направление исследований. Большое значение, согласно его мнению, имело развитие с 60–70-х гг. XX в. трех направлений: реконструкция истории собственно Херсона; его изучение как модели развития византийского города; место данного центра в системе торговых связей в Черном море. Однако по-прежнему наиболее дискуссионным оставался период «темных веков». Исследователь предположил, что в конце VI в. (или несколько ранее) начался упадок, который был характерен для VII–IX вв. С середины IX в. ситуация меняется. Отражением этого стало новое строительство и ремонт оборонительных стен, перестройка базилик. Подтверждением экономической стабилизации являются керамические находки и возобновление работы местного монетного двора. Свидетельством сохранения жизнедеятельности в Херсоне в период «темных веков», по мнению исследователя, является то, что стены зданий IX–X вв. возведены с соблюдением ранней линии границ кварталов. Но кризис, вернее, некоторый упадок, как корректирует собственное мнение Д. Смидли, все же имел место.

При возникновении спорной ситуации в деловой жизни принято прибегать к мнению эксперта. В научных штудиях правомерность выводов обосновывается свидетельствами источников. Однако исследователя, которого нельзя отнести ни к одной из дискутирующих сторон, можно счесть своеобразным экспертом. В. В. Седов, специалист в области археологии Восточной Европы, на основании комплексного анализа памятников материальной культуры двух зон Западной Европы (северной и южной)¹⁴ показал для каждой из них различия в процессе становления средневекового города [см.: Седов, с. 6–55]. В южной зоне (Апеннинский полуостров и Балканы), несмотря на разрушения

¹³ Согласно его мнению, недостаток товарного зерна в середине VII в. вызван тем, что процесс оседания нового этноса, появившегося в Крыму (протоболгар), находился в начальной стадии. В последние четверти столетия положение изменилось: сотрудничество населения округи с херсонитами привело к улучшению снабжения города продовольствием. Отражением связей являются находки монет в захоронениях внутренних районов Таврики [см.: Сорочан, 2005, с. 321].

¹⁴ В византиноведческих штудиях до появления работы В. В. Седова приведены типологические отличия генезиса феодализма, и в качестве одного из критериев отмечено наличие или отсутствие позднеантичных и варварских начал, интенсивность и характер их взаимодействия (например, см.: Удалцова, с. 124–157; Люблинская, с. 9–44).

в эпоху Великого переселения народов, город восходит к позднеантичному (зона превалирующего влияния позднеантичных начал, согласно типологии византинистов). Здесь не произошло «угасания античных центров». Претерпевая изменения в переходный период, города продолжали существовать без перерыва в развитии ремесла, строительного дела, торговли и церковных институтов, сохранили свое значение фортификационные и сакральные сооружения¹⁵.

Появление новых материалов из раскопок Херсонесского городища ставит вопрос о корректности вывода, что «все большее количество накапливаемого материала, преимущественно археологического, побуждает... признать высокую степень фактического упадка городов Византии VII—IX вв.» [Курбатов, Лебедева, с. 105]¹⁶. Чтобы ответить на него, попытаемся представить археологическую ситуацию для наиболее исследованных городских центров Византии по состоянию на 80-е гг. XX в. Обобщая археологические свидетельства о 12 городах, упоминаемых в трактате «О фемах» Константина Багрянородного, К. Фосс отмечает, что в Милете раскопки и зондажи концентрировались в центральной части территории; наиболее полно исследован участок театра; частично открыта оборонительная стена, построенная в период «темных веков»; выявлены следы строительных работ, которые привели к вычленению в ядре города цитадели (VII в.). Были обнаружены также остатки домов и храмов. Возможно также, что центральная часть античного города, занимающая четвертую часть его площади, в VII в. была огорожена оборонительной стеной (разрушена в X в.). Однако в целом средневековые памятники Милета изучены слабо, исчерпывающие публикации отсутствуют [см.: Foss, 1977, р. 469—486].

Приена, расположенная неподалеку от Милета, утратила значение в позднеантичный период, размеры города уже в это время сократились наполовину. В период арабских вторжений возникло новое укрепление на акрополе. С конца X в. началось заселение нижнего города.

В Пергаме возможности археологических исследований существуют только на территории акрополя. В равнинной части, занятой современными постройками, раскопки не производились, за исключением небольшого участка, где находится храм Сераписа. Здесь открыта базилика.

Смирна — современный город, он занимает то же место, что и ранний. Возможность произведения широкомасштабных раскопок отсутствует. Исследован только небольшой участок древней агоры. Строительная надпись 629—641 гг. свидетельствует о строительных работах в период правления императора Ираклия.

¹⁵ Выводы В. В. Седова повторяют сказанное еще в 1967 г. М. Я. Сюзюмовым. Тем не менее они значимы для рассматриваемого вопроса, поскольку его можно считать до некоторой степени экспертом, на основании обращения только к археологической ситуации подтвердившим тезис о сохранении городских поселений в значительном географическом ареале. Следует отметить также мнение авторов обобщающего исследования «Истории Европы», где сказано, что «ранняя Византия, в отличие от стран Западной Европы, изобиловала крупными городскими центрами с многочисленным населением» [Гутнова, Удальцова, с. 24].

¹⁶ Исследователи делают ссылку на: [Patlagean, p. 431].

В Магнезии, Тралле, Нисе раскопки, как отметил К. Фосс, не были ни обширными, ни тщательными; поздним периодам уделялось поверхностное внимание. То же в Колоссах: изучена только церковь Св. Филиппа. В Иераполисе светские сооружения не раскопаны, время возведения оборонительной стены определено условно. Ряд мелких городов Малоазийского региона вследствие слабой изученности ничего не могут дать для обсуждаемой темы, констатирует американский исследователь.

Археологические свидетельства, перечисленные выше, вслед за К. Фоссом, в сущности, ничего не добавляют к скучным данным литературных источников и периода «темных веков», и более позднего времени.

К числу наиболее исследованных центров К. Фосс отнес Сарды и Эфес.

В Сардах детально исследована терриитория цитадели и район, где в по-знеантичный период располагался гимнасий. Здесь собрано большое количество монет первой половины VII в. О значении и объеме археологической информации для реконструкции развития города можно судить по соотношению раскопанной территории и площади, которую занимал город в позднеантичный период. В монографии, посвященной Сардам, отмечено, что из 270 секторов размерами 100 x 100 м полностью исследованы два, где была выявлена линия оборонительной стены византийского времени. В предисловии к книге сказано, что только через 13 лет раскопок (начаты в 1958) в экспедиции появился археолог-медиевист [Foss, 1976, р. V–VII, 57–61]¹⁷.

Для Эфеса К. Фосс отметил наличие оборонительной стены VII–VIII вв., линия которой свидетельствует о сокращении размеров города и делении его на две укрепленные части. К сожалению, размеры их не указаны. Но на основании приведенного в работе плана можно судить, что поселение в равнинной, наиболее низкой, части занимало около 560 тыс. кв. м [Foss, 1974, Taf. 35]. На этой территории открыты церковь Св. Марии и купольная базилика, возведенная в начале VIII в. Интенсивность жилой застройки на плане не показана. Правда, для юго-западной части города и центральной в тексте работы сказано, что здесь были расположены дома, но занимаемая ими площадь не установлена. К. Фосс пишет только о том, что это были небольшие дома [Ibid., р. 112].

Более тридцати лет назад, о чём мы уже упоминали в начале статьи, греческий историк Хр. Бурас говорил о диаметрально противоположных концепциях относительно развития византийских городов в период «темных веков», в основу которых положен археологический материал. Новые находки в Крыму способствуют их сближению и позволяют скорректировать мнения историков об особенностях развития византийского провинциального города в целом.

В свете сказанного об «археологических лакунах», «умолчаниях источников» хотелось бы отметить, что, в сущности, они не «молчали», только в связи с концептуальными положениями авторов штудий по истории Херсона на них

¹⁷ Такому замечанию вполне соответствуют слова Г. М. А. Хауфманна о том, что имеется множество указаний на строительство после 616 г. [Haufmann, р. 59–77].

не обращали должного внимания. И как это ни парадоксально, именно для периода «темных веков» существует наибольшее число упоминаний города в письменных источниках.

Способствовала преодолению традиционно негативной оценки состояния Херсона в раннесредневековый период гениальная прозорливость М. Я. Сюзюмова, его надежды на то, что раскопки в Херсонесе приведут к получению доказательств непрерывного существования византийского города. Сторонником данной концепции являлся Г. Острогорский, который писал о некорректном использовании нумизматических данных для доказательства упадка византийского города. В настоящее время менее острой стала дискуссия о том этапе истории византийского города, которому посвятили свои изыскания выдающие византисты середины XX в. Но выводы и наблюдения, высказанные ими, пример тщательного анализа источников, исследовательская логика значимы и в наши дни. Безусловно, некоторые из прозвучавших в те годы тезисов уточнены непосредственно в ходе дискуссии, а также благодаря появлению новых археологических свидетельств, обобщенных в многочисленных публикациях¹⁸, посвященных анализу археологических свидетельств, в частности, керамических изделий Средиземноморско-Черноморского региона, что способствует созданию хронологической шкалы археологических данных.

Айбабин А. И. Погребения конца VII – первой половины VIII в. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов, V–VIII вв. М., 1982. С. 165–192. [Ajbabin A. I. Pogrebeniya kontsa VII – pervoj poloviny VIII v. v Krymu // Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniya narodov, V–VIII vv. M., 1982. S. 165–192.]

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. [Ajbabin A. I. Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma. Simfero-pol', 1999.]

Айбабина Е. А. Могильники VIII – начала IX в. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 121–133. [Ajbabina E. A. Mogil'niki VIII – nachala IX v. v Krymu // MAIET. 1993. Vyp. 3. S. 121–133.]

Алексеенко Н. А. Моливдовул императора Маврикия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 158–160. [Alekseenko N. A. Molivdovul imperatora Mavrikiya iz Khersonesa // Problemy arkheologii drevnego i srednevekovogo Kryma. Simferopol', 1995. S. 158–160.]

Алексеенко Н. А. Моливдовулы адресантов Херсона VII–IX вв.: новые находки // Древности. Харьков, 1996. Вып. 3. С. 122–133. [Alekseenko N. A. Molivdovuly adresantov Khersona VII–IX vv.: novye nakhodki // Drevnosti. Khar'kov, 1996. Vyp. 3. S. 122–133.]

Алексеенко Н. А. Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 65–82. [Alekseenko N. A. Molivdovul komita Opsikiya nachala VIII v. iz Khersonesa // ADSV. 1999. Vyp. 30. S. 65–82.]

Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. 2002. Вып. 9. С. 455–500. [Alekseenko N. A. Arkhontiya Khersona VIII–IX vv. po dannym sfragistiki // MAIET. 2002. Vyp. 9. S. 455–500.]

Алексеенко Н. А. Печать херсонесского епископа эпохи иконоборчества // Культовые памятники в мировой культуре : археол., ист. и филос. аспекты : тез. докл. Севастополь,

¹⁸ Большое значение в данном плане имеет предпринятая Национальным заповедником «Херсонес Таврический» публикация каталога «Наследие византийского Херсона» (Севастополь, 2011).

2003. С. 3. [Alekseenko N. A. Pechat' khersonesskogo episkopa epokhi ikonoborchestva// Kul'tovye pamyatniki v mirovoj kul'ture : arkheol., ist. i filos. aspekty : tez. dokl. Sevastopol', 2003. С. 3.]

Алексеенко Н. А. Денежное обращение округи византийского Херсона в VII в. // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 437–443. [Alekseenko N. A. Denezhnoe obraschenie okrugi vizantijskogo Khersona v VII v. // MAIET. 2005. Vyp. 11. S. 437–443.]

Алексеенко Н. А. «Херсонесский архив печатей»: миф или реальность? // Проблемы исследования археологических памятников : раскопки, хранение, экспозиция : тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2005. С. 3–6. [Alekseenko N. A. «KHersonesskij arkhiv pechatej»: mif ili real'nost' ? // Problemy issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov : raskopki, khranenie, ekspozitsiya : tez. dokl. i soobsch. Sevastopol', 2005. S. 3–6.]

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. [Anokhin V. A. Monetnoe delo Khersonesa. Kiev, 1977.]

Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV–XVI: раскопки 1937 г. // МИА. 1953. № 4. С. 32–108. [Belov G. D., Strzheletskij S. F. Kvartaly XV–XVI: raskopki 1937 g. // MIA. 1953. N 4. S. 32–108.]

Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII: раскопки 1941, 1947 и 1948 гг. // МИА. 1953. № 34. С. 160–236. [Belov G. D., Strzheletskij S. F., Yakobson A. L. Kvartal XVIII: raskopki 1941, 1947 i 1948 gg. // MIA. 1953. N 34. S. 160–236.]

Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII: раскопки 1940 г. // МИА. 1953. № 34. С. 109–159. [Belov G. D., Yakobson A. L. Kvartal XVII: raskopki 1940 g. // MIA. 1953. N 34. S. 109–159.]

Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967. [Blavatskij V. D. Antichnaya polevaya arkheologiya. M., 1967.]

Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 8–172. [Bogdanova N. M. Kherson v X–XV vv. Problemy istorii vizantijskogo goroda // Prichernomor'e v Srednie veka. M., 1991. S. 8–172.]

Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 173–190. [Borodin O. R. Rimskij papa Martin I i ego pis'ma iz Kryma // Prichernomor'e v Srednie veka. M., 1991. S. 173–190.]

Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Вып. 2/2. С. 351–427. [Vasil'evskij V. G. Zhitie Ioanna Gotskogo // Trudy. SPb., 1912. Vyp. 2/2. S. 351–427.]

Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993. [Vejmarn E. V., Ajbabin A. I. Skalistinskij mogil'nik. Kiev, 1993.]

Гилевич А. М. Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. 1964. Т. 24. С. 150–158. [Gilevich A. M. Novyj klad khersono-vizantijskikh monet // VV. 1964. T. 24. S. 150–158.]

Гилевич А. М. Клад херсоно-византийских монет IX–X вв. из округи Херсонеса : к вопросу о денежном обращении Херсонеса в IX–X вв. // Материалы сессии, посвященной итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР : тез. докл. Баку, 1965. С. 159–160. [Gilevich A. M. Klad khersono-vizantijskikh monet IX–X vv. iz okrugi Khersonesa : k voprosu o denezhnom obraschenii Khersonesa v IX–X vv. // Materialy sessii, posvyaschennoi itogam arkheol. i etnogr. issled. 1964 g. v SSSR : tez. dokl. Baku, 1965. S. 159–160.]

Голофаст Л. А. Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 77–84. [Golofast L. A. Shtampy V–VII vv. na posude gruppy «Afrikanskoj krasnolakovoj» iz raskopok Khersonesskogo gorodischa // MAIET. 1996. Vyp. 5. S. 77–84.]

Гутнова Е. В., Удал'цова З. В. Генезис феодализма в Европе // История Европы: средневековый период. М., 1992. Т. 2: 16–33. [Gutnova E. V., Udal'tsova Z. V. Genezis feodalizma v Evrope // Istorija Evropy: srednevekovyj period. M., 1992. T. 2: 16–33.]

Золотарев М. И., Ушаков С. В. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса // XC. 1997. Вып. 8. С. 30–45. [Zolotarev M. I., Ushakov S. V. Odin srednevekovyj zhiloj kvartal severo-vostochnogo rajona Khersonesa // KhS. 1997. Vyp. 8. S. 30–45.]

Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от Античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 100–197. [Kurbatov G. L., Lebedeva G. E. Gorod i gosudarstvo v Vizantii v epokhu perekhoda ot Antichnosti k feodalizmu// Stanovlenie i razvitiye ranneklassovykh obschestv. L., 1986. S. 100–197.]

Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романско-германского синтеза // СВ. 1968. Т. 31. С. 9–44. [Lyublinskaya A. D. Tipologiya rannego feodalizma v Zapadnoj Evrope i problema romano-germanskogo sinteza // SV. 1968. T. 31. S. 9–44.]

Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX в. М. ; Л., 1961. [Lipshits E. E. Ocherki istorii vizantijskogo obschestva i kul'tury VIII — pervoij poloviny IX v. M. ; L., 1961.]

Поляковская М. А. Византия. Византийцы. Византисты. Екатеринбург, 2003. [Polyakovskaya M. A. Vizantiya. Vizantijtsy. Vizantinisty. Ekaterinburg, 2003.]

Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. 1972. Вып. 8. С. 42–55. [Romanchuk A. I. K voprosu o polozhenii Khersonesa v «temnye veka» // ADSV. 1972. Vyp. 8. S. 42–55.]

Романчук А. И. Комплекс VII в. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 10. С. 246–250. [Romanchuk A. I. Kompleks VII v. v portovom rajone Khersonesa // ADSV. 1975. Vyp. 10. S. 246–250.]

Романчук А. И. Слои разрушения VII–VIII в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 3–13. [Romanchuk A. I. Sloi razrusheniya VII–VIII v portovom rajone KHersonesa // ADSV. 1975. Vyp. 11. S. 3–13.]

Романчук А. И. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе : к вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // ВВ. 1989. Т. 50. С. 182–188. [Romanchuk A. I. «Sloi razrusheniya X v.» v Khersonese : k voprosu o posledstviyakh Korsunskogo pokhoda Vladimira // VV. 1989. T. 50. S. 182–188.]

Романчук А. И., Сазанов А. В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1989. [Romanchuk A. I., Sazanov A. V. Krasnolakovaya keramika rannevizantijskogo Khersona. Sverdlovsk, 1989.]

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. [Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V. Amfory iz kompleksov vizantijskogo Khersona. Ekaterinburg, 1995.]

Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 30–46. [Romanchuk A. I., Sedikova L. V. «Temnye veka» i Kherson: problema reprezentativnosti istochnikov // Vizantijskaya Tavrika. Kiev, 1991. S. 30–46.]

Седов В. В. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 6–55. [Sedov V. V. Stanovlenie evropejskogo rannesrednevekovogo goroda // Stanovlenie evropejskogo srednevekovogo goroda. M., 1989. S. 6–55.]

Соколова И. В. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII–XI вв. // ВВ. 1959. Т. 15. С. 50–63. [Sokolova I. V. Klady vizantijskikh monet kak istochnik dlya istorii Vizantii VIII–XI vv. // VV. 1959. T. 15. S. 50–63.]

Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. [Sokolova I. V. Monety i pechaty vizantijskogo Khersona. L., 1983.]

Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминимум? // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 509–525. [Sorochan S. B. Vizantiya i khazary v Tavrike: gospodstvo ili kondominimum? // PIFK. 2002. Vyp. 12. S. 509–525.]

Сорочан С. Б. Византийский Херсон : очерки истории и культуры, вторая половина VI — первая половина X в. Харьков, 2005. [Sorochan S. B. Vizantijskij Kherson : ocherki istorii i kul'tury, vtoraya polovina VI — pervaya polovina X v. Khar'kov, 2005.]

Степанова Е. В. О связях Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых цивилизаций : материалы науч. конф. Севастополь, 2001. С. 24. [Stepanova E. V. O svyazyakh Khersona i Sugdei po dannym sfragisticheskikh arkhivov // Khersones Tavricheskij. U istokov mirovykh tsivilizatsij : materialy nauch. konf. Sevastopol', 2001. S. 24.]

Степанова Е. В. Новые находки из судакского архива печатей // Сугдяя, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси — Украины : материалы конференции. Киев ; Судак, 2002. С. 231—233. [Stepanova E. V. Noyye nakhodki iz sudakskogo arkhiva pechatej // Sugdaya, Surozh, Soldajya v istorii i kul'ture Rusi — Ukrayny : materialy konferentsii. Kiev ; Sudak, 2002. S. 231—233.]

Суров Е. Г. Раскопки в северо-западном районе городища // СХМ. 1961. Вып. 1. С. 67—70. [Surov E. G. Raskopki v severo-zapadnom rajone gorodischa // SKhM. 1961. Vyp. 1. S. 67—70.]

Суров Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып. 3. С.119—145. [Surov E. G. K istorii severo-zapadnogo rajona Khersonesa Tavricheskogo // ADSV. 1965. Vyp. 3. S.119—145.]

Сюзюмов М. Я. Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 1956. Т. 8. С. 26—41. [Syuzumov M. YA. Rol' gorodov-emporiev v istorii Vizantii // VV. 1956. T. 8. S. 26—41.]

Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII — середина IX в.) // ВВ. 1967. Вып. 27. С. 38—70. [Syuzumov M. Ya. Vizantijskij gorod (seredina VII — seredina IX v.)// VV. 1967. Vyp. 27. S. 38—70.]

Сюзюмов М. Я. О функциях раннесредневекового города// АДСВ. 1977. Вып. 14. С. 34—51. [Syuzumov M. Ya. O funktsiyakh rannesrednevekovogo goroda // ADSV. 1977. Vyp. 14. S. 34—51.]

Удальцова З. В. Проблема типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций : ист.-типол. исслед. М., 1975. С. 124—157. [Udal'tsova Z. V. Problema tipologii feodalizma v Vizantii // Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsij : ist.-tipol. issled. M., 1975. S. 124—157.]

Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Хр. М., 1908. [Shestakov S. P. Ocherki po istorii Khersonesa v VI—X vv. po R. Khr. M., 1908.]

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. [Yakobson A. L. Rannesrednevekovyy Khersones // MIA. 1959. N 63.]

Якобсон А. Л. Средневековый Крым : очерки истории и истории материальной культуры. М. ; Л., 1964. [Yakobson A. L. Srednevekovyj Krym : ocherki istorii i istorii material'noj kul'tury. M. ; L., 1964.]

Якобсон А. Л. О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса : по поводу статьи Д. Л. Талиса «Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего Средневековья»// ВВ. 1964. Т. 24. С. 226—229. [Yakobson A. L. O nekotorykh spornykh voprosakh istorii rannesrednevekovogo Khersonesa : po povodu stat'i D. L. Talisa «Voprosy periodizatsii istorii Khersona v epokhu rannego Srednevekov'ya» // VV. 1964. T. 24. S. 226—229.]

Bass G. F., Doorninck, van F. H. Yassi Ada: A Seventh century byzantine Shipwreck. Texas, 1982.

Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture// JÖB. 1981. Bd. 31/2. S. 611—653.

Brandes W. Die Städte Kleinasiens im 7. und 8. Jahrhundert. B., 1989.

Dolger F. Die fruhbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt, 5.—8. Jahrhundert // PE. 1962. S. 107—139.

Foss C. Ephesus after Antiquity. A Late Antiquity, Byzantine and Turkish City. Cambridge, 1974.

Foss C. Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge (Mass.) ; London, 1976.

Foss C. Archeology and the “Twenty Cities” of Byzantine Asia// A JA. 1977. № 81. P. 469—486.

- Haufmann G. V. A. Excavations and Restovration at Sardis // TAD. 1974. № 21/2. P. 59–77.*
- Kirsten E. Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI. Intern. Byzantinistenkongre?. Munchen, 1958. Bd. 5. S. 1–48.*
- Ostrogorsky G. Byzantine Cities in Early Middle Ages // DOP. 1959. № 13. P. 45–65.*
- Ostrogorsky G. The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century // DOP. 1959. № 13. P. 1–22.*
- Patlagean E. Pauvrete economique et pauvrete sociale a Byzance, 4–8 s. P., 1977.*
- Smedley J. Archaeology and the history of Cherson: A survey of some results and problems // Αρχειον Πόντου. 1979. № 35. P. 172–192.*
- Todorova E. One of Black Sea Routes. 13th–15th Centuries // Le Povoire central et les villes en Europe de l'Est et Sud-Est du XVe siecle aux débuts de la revolution industrielle: Les villes portuaires. Sofia, 1985. P. 156–162.*

Статья поступила в редакцию 30.05.2013 г.

УДК 35.082.21(09) + 94(47 + 57)

Д. О. Серов

В КАКОМ ВОЗРАСТЕ НАЧИНАЛИ СЛУЖБУ ПОДЬЯЧИЕ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Рассматривается вопрос о возрасте, в котором начинали государственную гражданскую службу в России в 1689–1710 гг. На основании широкого круга архивных данных установлено, что общий средний возраст поступления на гражданскую службу составлял в этот период 15,7 лет, а поступления в центральные органы власти — 14,8 лет. При этом почти половина лиц вступала в подьячие в возрасте до 15 лет. Кроме того установлена зависимость между ранним началом службы и последующими карьерными успехами государственного служащего.

Ключевые слова: российская бюрократия; подьячие; Табель о рангах; государственная гражданская служба; канцелярский персонал.

Вопрос о возрасте, с которого начинали брать на государственную гражданскую службу, представляется на первый взгляд узким и вряд ли заслуживающим исследовательского внимания. Однако узость этого вопроса обманчива.

Во-первых, без сведений о возрасте начала службы невозможно составить целостного представления о корпусе государственных служащих в соответствующий исторический период и подготовить надлежаще подробный коллективный портрет той или иной группы этих служащих.

Во-вторых, в России до начала XIX в., когда к государственным служащим, независимо от занимаемой должности, не предъявлялось никаких квалификационных требований, возраст поступления на гражданскую службу следует признать весомым (хотя и косвенным) показателем квалификации чиновников. Ведь при крайне слабом в те времена развитии отечественной системы школьного образования профессиональную подготовку гражданские